

ХОЖАЛКА

Непросто бывает не только обездоленным людям, но и тем, кто оказывается рядом с ними. Что это так, Вера Чумакова давно поняла: восьмой год работает в социальной службе. За это время она избегалась, исхудала, стала резкой, научилась ехидничать, особенно когда кто-то нелестно отзывался о её работе. «Кто ты есть, чтобы обсуждать мои дела?!» – спрашивала она у любопытствующего и так прожигала из-под рыжей чёлки раскосыми глазами, что у любого человека сразу пропадала охота к новым вопросам. Или припустится бежать, а куда, зачем – неизвестно. Идёт-идёт и вдруг, как сгальная, – помчалась. За это её и звали Вера Чума.

Все эти годы Вера закупала продукты для подопечных, если надо, убиравалась у них, и со всеми находила общий язык. Лишь однажды получился конфликт, когда одинокий старичок подарил шоколадку. Подношения запрещено принимать, она никогда и не брала ни у кого подарков, а в тот раз слабинку дала, да и как отказать ради Христа. Принесла Вера шоколадку домой, а отломить и дольки не смогла – стала бы поперёк горла. Отдала шоколадку соседскому мальчишке, а в следующий раз отказалась от нового подношения. Дедуля же пожаловался в управление соцзащиты: мол, шоколадок нынешним хожалкам мало, они ждут конвертик с деньгами... Веру хотели уволить, а она и не сопротивлялась: «Увольняйте, тужить не буду. Я тоже человек, а не тряпка тёрханая, чтобы об меня ноги вытирали!» Но её не уволили – заступились другие подопечные. В их числе оказалась Аня Федоткина. Вера и ранее к ней испытывала симпатию, но после того случая она стала ей, как родная сестра, которой у Веры не было.

У них и судьбы схожие, построены на несчастье, потому что обе рано остались без родителей. И если Аня – инвалид с детства, то Вера внешне вполне здорова, но в душу лучше не заглядывать. Изранена она у неё, пугливая, постоянно плачущая – даже Ане не понять. Только общая заноза – отсутствие детей – уравнивает их. И если Вера давно смирилась со своей долей, то Аня пока в боевом настроении. Она даже журит хожалку, когда та совсем раскисает. Особенно осмелела, побывав на нескольких репетициях в студии реабилитационного центра, готовясь к концерту. Сперва-то Аня и слышать не хотела о выступлении. Тем более что и священник Лука отговаривал; он частенько приходил к Ане в праздники с молитвой и подарками и весьма одобрительно отзывался о её увлечении вышиванием, считая, что это самое подходящее занятие. Хотя пальцы у Ани не особенно ловкие, зато хватает упорства. Сперва она вышивала салфетки, платки, а потом льняное платье украсила цветными узорами с использованием полутоннов, расписала платье красными вензелями и диковинными изумрудными птицами. Да так выразительно получилось, что платье возили на областную выставку народного творчества, где её работа заняла первое место. А в последний день выставки платье даже продали. С Аниного согласия, конечно. Когда привезли кругленькую сумму, Аня позвонила Вере и расплакалась, потому что это был её первый в жизни заработок, и она не знала, что с ним делать.

– Не тужи – мы найдём деньгам применение! – рассмеялась Вера и посерьёзнула: – Купим несколько таких же платьев, на год-два работы хватит. А то в последнее время тебе неизвестно что на ум приходит, думаешь о том, о чём нельзя.

Аня тогда никак не отреагировала на последние слова, хотя обида осталась. Да и как не остаться, если в последнее время она всё серьёзнее мечтала о муже. Ведь это так прекрасно – быть замужем. По фильмам Аня подробно знала, что происходит между влюблёнными, о чём они говорят, но в её положении оставалось лишь завидовать.

После успеха на выставке, ей позвонили из реабилитационного центра и предложили заниматься в танцевальной студии, чтобы со временем подготовить парный танцевальный номер.

– А разве такое возможно? Это совершенно нереально! – изумилась Аня и бросила трубку, решив, что над ней кто-то зло пошутил.

Ей перезвонили и убедили-таки попробовать, а если действительно не получится, тогда и настаивать не будут.

– А вдруг удача придёт! – убеждал грубый женский голос. – Вы теперь лауреат, и самое время увеличить диапазон своего таланта! Звезду из вас сделаем! С соцзащитой мы договорились, и работница будет сопровождать на репетиции. – Кто тот человек, с которым мне предстоит репетировать?

– Такой же, как вы... У нас несколько подобных пар. В нашей стране нет обездоленных людей! Каждый может найти занятие или увлечение по своим возможностям! – сердитая женщина говорила так напористо, что трудно было вставить слово, чтобы возразить или спросить о чём-то.

– Можно попробовать... – только и вздохнула Аня.

– Вот и хорошо! Завтра позвоню, зовут меня Маргарита Иосифовна, я руководитель студии. Пожалуйста, будьте готовы после обеда отправиться на первую репетицию. За вами придёт специальный автобус.

И действительно, на следующий день в назначенный час появился хмурый седоусый водитель, подстриженный пугающе коротко, и забрал Аню, поехавшую без головного убора, – боялась помять шапочкой белокурую причёску, освобождённую перед самой поездкой Верой от бигуди. В автобусе уже находился человек на коляске. Как выяснилось, тот самый, с кем Ане и предстояло репетировать. Её познакомили с ним, звали его Алексеем. Необычайно смущаясь, она коснулась его руки; какое же это, оказывается, чудо – чувствовать сильную мужскую руку.

У реабилитационного центра водитель и Вера помогли Ане выбраться из автобуса, подняться по пандусу на входе в центр и далее – доехать до репетиционного зала; Алексей же сам ловко управлял своей коляской. На репетиции у них сперва ничего не клеилось. Они потели, краснели, слушая подсказки, и старались кружиться в такт музыке. Как же это тяжело, хотя начали с самых простых движений, и даже стыдно быть такой неуклюжей и перед высокой стройной девушкой-хореографом, гибкой и подвижной, как стрекоза, и перед Алексеем, и перед стремительно мелькавшей миниатюрной Маргаритой Иосифовной. И это было только началом.

Почти всю зиму Аня занималась в танцевальной студии, даже вышивку забросила, и теперь без репетиций не могла жить. Ездила на них, как на любимую работу.

Вот и сегодня вновь собралась и ждала Веру. А та пришла хмурая и молчаливая, словно таскаться на репетиции ей стало тяжелей тяжкого. И Аня не удержалась, упрекнула:

– Ну и чего губы развесила?!

– Ничего и не развесила! – Вера в этот момент постаралась не хмуриться. Аня же, заметив настроение хожалки, сменила разговор:

– Вот то-то же! Нам всего-то по сорок! Вполне можем семьи создать!

– Ты всё о том же... Я уж была там... Семь лет муж помучился и бросил. И правильно сделал, не осуждаю. Это мне наказание за то, что в девках за парнями собачонкой носилась. Жалко только, что родители внуков не дождались.

– Что было, то прошло. Я бы на твоём месте ещё сто раз замуж вышла!

– Опять упрёки слушать?!

– Если не хочешь замуж, то в наше время ребёнка можно искусственно сотворить.

– Деньги большие нужны! Думаешь, много я зарабатываю?

– Но я слышала по телевизору, что теперь такие операции будут делать бесплатно.

– Ладно, потом поговорим... В чём поедешь-то?

– Даже до конца не выслушаешь... В розовой кофте и серой юбке!

– Хотя бы раз концертное платье надела, для чего тебе его сшили? Оно ведь длинное – надо привыкнуть.

– Привыкну на генеральной репетиции, а то в автобусе могу испачкать! Накануне генеральной они репетировали дольше обычного. Когда же приехали домой, Вера закатила Аню в квартиру, помогла раздеться, усадила в ванной на табуретке и начала купать – уставшую, но не умолкавшую ни на минутку; со стороны посмотреть – непонятно, чему она так радуется.

После закутала Аню в халат, помогла перебраться в кухню, усадила за стол. Заварив чай, разлила по чашкам и подвинула к Ане вазу с конфетами и печеньем. Но та и не посмотрела на сладости, неожиданно спросила:

– А как у тебя было первый раз?

– Что «первый раз»?!

– Ну, с мужчиной... – уточнила Аня и покраснела.

– Не помню...

– Не обманывай. Замужем долго была, а теперь Николай похаживает...

– Похаживал... Два месяца потаскался после развода, а потом моложе нашёл. Так что завидовать нечему! – грубовато фыркнула Вера.

– А я Алексею нравлюсь... – неожиданно похвасталась Аня. – Он так смотрит на меня!

– Брюнетам всегда блондинки нравятся... Зря ты о нём думаешь! Душу с места стронешь, потом и сама не рада будешь.

– Ну, как всё-таки?!

– Никак... Не хочу об этом говорить. Пей чай и перебирайся на кровать – отдохни, бледная вся!

Аня промолчала, и Вера поняла, что она заразилась тем самым состоянием, от которого отговаривала её в последнее время. Теперь так и будет цепляться.

Поэтому, быстренько перемыв чашки, Вера собралась домой и от порога напомнила:

– Дверь запру, а завтра в обед жди. Чего из продуктов-то принести?

– Сама знаешь... – сердито ответила Аня и закрыла глаза.

– А ты поспи хорошенько, а то завтра генеральная репетиция!

Аня даже не отозвалась.

– Вот до чего танцы доводят! – лягнула Вера вслух и хотела добавить: «Так ведь можно и свихнуться!» – но вовремя промолчала.

На улице же подумала по-иному: «Всё-таки надо ей кого-нибудь найти. Это только кажется, что они беспомощные и ничего не умеют! Ведь как завистливо упрекнула Николаем! Не надо было ничего ей рассказывать!»

Когда Вера ушла, Аня пожалела, что грубо обошлась с хожалкой. Хотя и она хороша – даже выслушать не могла. Ей ведь это ничего не стоило. А кому теперь рассказать, что творится на душе. «Жаль, что не умею сочинять стихи, а то сердечное стихотворение написала бы!» – мечтала Аня, чувствуя, как подкатывают слёзы и сердце почему-то сжимается, да так сильно, что уж и воздуха не хватает. Поэтому гнала мысли об Алексее, но он вспоминался сам собой: жуковые волосы аккуратно пострижены, а карие глаза такие глубокие, что в них можно утонуть. И ещё вспоминала его сильные, цепкие руки. На первых репетициях она очень

боялась упасть, начиная кружиться под звуки вальса, но потом поняла, что с Алексеем ничего не страшно. И это прибавляло уверенности, и всё чаще слышалась похвала. «Молодец!» – словно школьнице, говорила хореограф, и это очень нравилась Ане.

Она и сама чувствовала, что у неё стало получаться. Постепенно выучила танец до автоматизма. И к Алексею привыкла, и к Вере, сидящей в зале, даже к электрику в смешном оранжевом комбинезоне, что-то постоянно чинившему за кулисами.

Подумав о завтрашней генеральной репетиции, Аня начала переживать: удастся она или нет? А более переживала оттого, что будет потом, после концерта. Сможет ли когда-нибудь встретиться с Алексеем по-настоящему. Или ей никогда не суждено, как обычным людям, пойти на свидание, не суждено пригласить его домой, чтобы все соседи видели, что у неё есть мужчина. Или только и счастья осталось, что бывать на репетициях. Поэтому надо постараться завтра, чтобы всё прошло без единой задоринки, чтобы потом всегда приглашали на выступления. С утра Аня разложила на диване концертное платье, решила ещё раз проверить швы – вдруг где-то разошлись! Темно-лиловое, разукрашенное блёстками и стразами, шёлковое платье радовало нарядностью, оно, словно живое, выскальзывало из рук. Аня даже представила со стороны, как будет выглядеть в нём... А что будет потом, даже страшилась подумать. Главное – слушать музыку и следить за Алёшей, чтобы не пропустить ни одного его движения и не испортить впечатления, чтобы о ней не смогли сказать в случае возможной ошибки: «Ну что с неё взять...»

Она бы долго утопала в мечтах и размышлениях, но громыхание ключа в двери заставило отвлечься.

– Ну что, звезда, готова к генеральной? – грубо, слегка насмешливо спросила пришедшая Вера.

– Готова вроде бы... Только сильно переживаю!

– Это и хорошо, что переживаешь, – значит не чурка бесчувственная. Давай-ка помаленьку собираться.

Собирались они долго, а вечно ворчащего водителя попросили приехать пораньше, потому что Аня хотела перед репетицией переодеться в концертное платье самой первой, чтобы привыкнуть к нему и побороть стеснение. Хотя оно и без того явилось, когда они прибыли в центр. Ей показалось, что все почему-то смотрят на них с Алексеем, представшим в чёрном костюме с бабочкой, но главное – с какой-то женщиной.

Когда готовились за кулисами к выступлению, Алексей подъехал к Ане, поцеловал в щёку и сказал:

– Не волнуйся, всё хорошо будет!

Она машинально кивнула, совсем не думая о его словах, чувствуя, как горит щека от поцелуя; к этому месту хотелось приложить ладонь и остудить. От растерянности она даже закрыла глаза и почувствовала, как кто-то коснулся её

плеча. Веки распахнула – рядом опирается на трость спутница Алёши.

– Не переживайте, всё получится! – негромко сказала она.

– Вы – кто? – спросила Аня, замирая от недоброго предчувствия и понимая, что эта женщина неспроста появилась за кулисами.

Подъехавший же Алексей, словно читал её мысли:

– Анна, познакомьтесь, – это моя супруга Светлана!

Аня почтительно кивнула и увидела на правой руке Алексея обручальное кольцо, хотя прежде его никогда не было! От страшных слов, от обручального кольца – от всего, что сейчас произошло, – сразу разрушились все мечты, словно и не было их никогда, а если и приходили, то к какой-то другой Анне. Она почувствовала, что ей не хватает воздуха, и голова вдруг куда-то поплыла... Когда её привели в чувство, она посмотрела савёлыми глазами вокруг себя и вновь безвольно откинулась.

– Что с Федоткиной произошло? Что, я вас спрашиваю?! – прокуренным голосом испуганно и зло проскрипела Маргарита Иосифовна, всегда заботливая, но в этот момент на себя не похожая и сильнее обычного напоминавшая высохший стручок.

– Ей домой надо! – твёрдо сказала Вера. – Выдохлась она, разве не видно!

– Врача ей надо, а не домой! Пусть приведёт в чувство – и на сцену. Не для того мы с ней полгода возились, чтобы сценарий ломать!

То ли от этих слов, то ли сама по себе, но Аня открыла глаза, хотя по-прежнему стыдилась смотреть на окруживших людей, и о чём бы её ни спрашивали – на всё отвечала молчанием. Она и в автобусе молчала, лишь перед домом толкнула Веру:

– Где Алексей?

– На репетиции остался... Будет выступать со своей старой композицией. Ты-то – как барышня кисейная расклеилась... Не переживай. Это и к лучшему. Нужны тебе эти трали-вали. Правильно ведь говорил Лука! – отрывисто и даже сердито выговаривала Вера.

И Аня обиделась на неё.

Когда сердитый водитель помог Вере переместить Аню в квартиру, она как была в концертном платье, так и бухнулась на кровать.

– Отъездились, что ли?! – радостно спросил водитель и впервые за всё время улыбнулся.

– Всё-всё – отъездились... Будьте счастливы и проваливайте! – шуганула Вера водителя и забыла о нём, подседа к Ане. – Сейчас-то хоть скажешь, что случилось? – спросила она и посмотрела ей в глаза.

Аня ответила не сразу. Наревевшись, вдруг отчётливо пожаловалась:

– Алексей – женатый...

Вера чуть не рассмеялась, думая до этого трагического для Ани откровения, что с ней произошло что-то серьёзное, а тут такое.

– А ты чего же, планы на него строила, губы от счастья раскатала?

– Не твоё дело, уходи!

Вера продолжала сидеть, а Аня повторила:

– Уходи и никогда не приходи ко мне. Без тебя обойдусь! Ты – злая Чума! Если бы Аня сказала озлобленно, то Вера поверила бы ей, а то пропищала, как всегда. Но в любом случае Вера не могла обижаться на подопечную, но разве скажешь себе: «Не обращай внимания – какой спрос с больной!» За долгие годы Вера хорошо изучила её и очень правильно поняла нелестные слова, от которых всё-таки сделалось неимоверно обидно. Даже не верилось, что Аня могла сказать такое. Неужели надуманные любовные фантазии так повлияли на неё, что она решилась обидеть самого, может быть, дорогого человека, потому что близких родственников у неё не было, а дальние не хотели с ней зняться. Поэтому Вера и стала ей почти родной. И обе это знали, но теперь Аня всё перечеркнула. Неужели такое возможно? Ведь никто и никогда не будет с ней так возиться. Другие хожалки с утра разнесут продукты, в квартире, если нужно, приберутся – и нет их. А Вера и в выходные пропадала у Ани. Увидит в программе интересный фильм – и к ней отправляется. Прибежит пораньше, чтобы еду приготовить, постирать.

Иногда и заночует. А теперь, значит, стала «злая», но самое обидное, что Чумой обозвала!

– Ну, спасибо, Анна Сергеевна! – горько усмехнулась Вера.

Хотя она оделась внешне спокойно, но пока шла домой – ноги подкашивались. «Завтра попрошу, чтобы освободили от этой нахалки, – решила она. – Или вообще уйду из соцзащиты! Давно зовут работать в детсад. После педучилища работала же в яслях воспитателем, и ничего – справлялась, и никто Чумой не обзывал!» Дома Вера хотела заняться ужином, но не было сил стоять у плиты – лишь попила чаю с печеньем и прилегла на диван. Ведь, что ни говори, тоже сегодня замучилась с этой генеральной репетицией – весь день на побегушках! Вера чувствовала, как окутывает лёгкая и приятная дрёма, и, засыпая, вновь подумала об Ане: «Поживи одна денёк-другой! Сразу по-другому запоёшь. А то набаловалась, лауреатка, все должны вокруг тебя юлой вертеться!» Вера всё-таки заснула по-настоящему, а проснулась от телефонного звонка. Звонил отец Лука. Даже перепугал, потому что за окном уже по-настоящему стемнело.

– Вера Петровна, срочно приезжайте к Анечке, её надо сопроводить в больницу...

У Веры от слов Луки дух перехватило, сразу вспомнила, что стгоряча забыла закрыть Анину квартиру... Видно, что-то случилось серьёзное. Не помня себя, оделась, выскочила на улицу, а когда в пути встретилась со «скорой», мелькнула мысль: «Неужели это её повезли?!» К дому подбежала и увидела полицейскую машину, священника, нескольких соседок.

– Что с Аней? – спросила Вера у Луки, казавшегося в высокой шапочке ещё выше.

– Кажется, отравление... Она недавно позвонила, сказала, что ей очень плохо, и просила приехать. И ничего не объяснила. Я в квартиру вошёл, а она без сознания на полу лежит и какие-то таблетки рядом рассыпаны... Вызвал «скорую», полицию...

К ним подошёл скуластый, чернобровый лейтенант в маловатой форменной куртке и спросил:

– Вы кто будете потерпевшей?

– Хожалка... – И поправилась: – Социальный работник, навещаю Аню. Что с ней?

– Хотела счёты с жизнью свести!

– Какие у неё счёты – как ангел живёт!

– Значит, кто-то довёл. Следствие разберётся... Ключи у вас есть от квартиры?

– Имеются...

– Тогда пройдётесь! Надо выключить электроприборы и запереть дверь, а я её опечатаю. А вас потом доставлю в отделение, чтобы взять объяснение.

– Да какое объяснение... Я от неё час назад ушла – всё нормально было.

– Значит, не очень нормально... Вот поэтому ваше объяснение потом сравним с объяснением потерпевшей, если, конечно, она выживет...

– Что вы такое наговариваете-то?!

Лейтенант пригласил в квартиру Веру и соседку Ани как свидетелей.

– Холодильник тоже отключите! – сказал полицейский.

– Продукты ведь испортятся! – изумилась Вера.

– Вынесите на балкон...

Когда Вера вынесла содержимое холодильника на балкон, то увидела телефон.

– Тогда хотя бы мобильник ей отвезу!

– Пусть всё остаётся на своих местах!

Всё Вера исполнила, как велел лейтенант, а когда он опечатал дверь, они поехали в отделение. Вера только и успела поблагодарить Луку за звонок. В отделении она составила подробное объяснение, прочитав которое, полицейский заулыбался:

– Неужели от несчастной любви это натворила?

– От чего же ещё, прости Господи!

– Тогда ни вам, ни нам и заморачиваться нечего... Езжайте домой.

Вместо дома, остановив такси, Вера помчалась в больницу. В приёмном отделении узнала у дежурной сотрудницы, важно восседавшей у телефона, поступала ли Анна Федоткина?

– Это которая с отравлением?.. Сейчас в реанимации промывание ей делают. Она уж в себя пришла.

– Ой, счастье какое! К ней можно?

– Да вы что, женщина! Хорошо, если дня через три пустят, да и то когда в общую палату переведут. Хотя, вряд ли – карантин сейчас в больнице из-за гриппа. Вы кем же ей доводитеесь – сестра, что ли?

– Подруга...

– Это хорошо, а то мы думали, что у неё нет никого, – недоверчиво и сонно отозвалась дежурная.

– А коляску ей можно привезти? – спросила Вера. – Она ведь инвалид!

– Неужто в больнице каталок нет? Обижаете! Вот вам наш номер телефона – звоните. Когда будут выписывать – тогда и приезжайте.

Из больницы Вера возвращалась более или менее успокоенной, а дома загрустила, потому что показалось в квартире сыро, холодно и необыкновенно одиноко. Даже позвонить некому. Весь вечер смотрела на телефон, а он весь вечер молчал. Кое-как улеглась спать, а утром сообщила на работу об Ане и попросила не передавать её другой хожалке.

– Она по-прежнему за тобой числится, не волнуйся! – обнадежила начальница отдела, видимо, всё уже знавшая.

Все последующие дни Вера звонила в больницу, узнавала о самочувствии Ани, а сама она так и не отозвалась. На четвёртый день Вере позвонила незнакомая женщина и торопливо спросила:

– Вы – Чумакова?

– Она самая...

– Вам из больницы звонят... Я медсестра Ани Федоткиной. Она просила вас приехать. Но к ней самой нельзя, зато под окошком постоять не возбраняется. Лежит она в терапевтическом корпусе на втором этаже, третье окно слева, напротив центрального входа в больницу. Будет ждать в час дня.

– Спасибо, обязательно буду! Что можно ей передать?

– Ничего. В больнице карантин из-за гриппа.

– И цветы нельзя? Ведь праздник был – Восьмое марта!

– Ни-че-го! – по слогам сказала медсестра, как отрезала.

Посетив до обеда двух клиентов, Вера в обед прибежала в больницу и заняла пост у третьего окна, но никого не увидела. Даже хотела швырнуть снежком, но вскоре выглянула Аня – бледная, осунувшаяся, но радостно блестящая глазами. Очень хотела и пыталась что-то сказать, едва дотягиваясь подбородком до подоконника, но разве по-настоящему поговоришь через двойные рамы. Минуту или две Аня подавала непонятные знаки, а потом показала лист бумаги. На нём крупно было написано: «ПРОСТИ». Вера замахала, нахмурилась, мол, ладно, не за что прощать-то, а самой сделалось невозможно радостно оттого, что Аня оттаяла и больше не сердится. Вот молодец-то! Когда она начала подавать знаки, что, мол, пора прощаться, Вера, хочешь не хочешь, сдалась. Помахала в ответ, показала жестом, чтобы звонила, и, невольно оглядываясь, пошла к выходу.

Затуманившись радостным возбуждением, она месила талый снег на разбитом оттепелью тротуаре и не сразу поняла от навалившихся чувств, что витрины, сами здания, сквер за перекрёстком – всё вокруг затопило тёплое солнышко, блестящее в отдалении золотом церковного купола. Вера залюбовалась удивившим её свечением и поняла, что пришла настоящая весна, и самое плохое осталось в холодной и, казалось, нескончаемо долгой зиме. Это трепетное ощущение новизны помогло по-иному посмотреть на всё, что произошло недавно, что растрогало сейчас и заставило окончательно забыть тревоги последних дней. «Теперь и тужить не о чем! – решила Вера и, запоздало расплескавшись слезами радости, вновь вспомнила подругу, шмыгнула носом. – Какая же всё-таки Анька вредная – настоящая коза!»